

Сообщение о выходе книги, подготовленной Следственным комитетом России к завершению расследования обстоятельств цареубийства и назначенных следствием новых экспертиз «екатеринбургских останков» и приближение даты открытия Архиерейского собора, где вопрос об останках будет обсуждаться, подхлестнуло новый виток дискуссии в православном сообществе. Появляются всё новые и новые публикации на эту волнующую православных людей тему, об этом можно судить и по наполнению рубрики «Русской народной линии» «Екатеринбургские останки», где собрано огромное число публикаций на эту тему.

Есть смысл и мне еще раз обозначить свою позицию. Хотел бы подчеркнуть, что я ничего не утверждаю. Я только анализирую факты и тексты и задаю вопросы тем, кто убеждён, что «екатеринбургские останки» подложные.

Заголовок статьи кому-то может показаться банальным и даже абсурдным. Конечно, всякий человек может ошибаться, о чём тут рассуждать?! Но дело в том, что именно на этом доверии следователю Н.А. Соколову сегодня держится во многом убеждённость в том, что останки сожжены, а могила в Поросёнковом логу подложная, в ней были погребены останки неизвестных людей. Выводы Николая Алексеевича Соколова не принято критиковать, а о нём самом принято говорить только как о «выдающемся следователе царской школы», следователе «со знаком качества».

Между тем, до 1910 года Н.А. Соколов не был особенно кому-то известен, в том числе и в профессиональном сообществе. Та дотошность, с которой он вёл следствие, о чём можно судить по материалам дела, выказывают в нём, конечно, профессионала в своей области. Но таких профессионалов было в России много. Тот же предшественник Соколова Иван Александрович Сергеев, несправедливо остающийся в тени, проводивший расследование по горячим следам с 12 августа 1918 по начало февраля 1919 года, принявший мученическую кончину за участие в расследовании царевубийства, был профессионалом высокого уровня.

Хотел бы обратить особое внимание на три особенности расследования Николая Алексеевича Соколова, которые почему-то «остаются за кадром» при оценке его работы.

Во-первых, Соколов имел катастрофически мало времени для проведения полноценного расследования. Напомню, что он был назначен следователем по расследованию царевубийства (а так же одновременно убийства Великого князя Михаила Александровича в Перми и убийства Романовых в Алапаевске, на что он также должен был тратить время) 7 февраля 1919 года, т.е. спустя более полугодом с момента убийства. Словом, Николай Алексеевич Соколов проводил расследование вовсе не по горячим следам, как считают некоторые. В Екатеринбурге Соколов работал с середины марта до 11 июля, т.е. около четырёх месяцев, а на Ганиной яме и того меньше. Конечно, он продолжал заниматься расследованием царевубийства вплоть до самой кончины, считая это своей миссией, но заграницей он мог только опрашивать людей, лишь косвенно причастных к «преступлению века».

Во-вторых, Николая Алексеевича нельзя назвать твёрдым монархистом, как почему-то считают некоторые. Он по своим политическим взглядам был, скорее февралистом. Об этом свидетельствуют те главы его книги «Убийство Царской Семьи. Из записок судебного следователя Н.А. Соколова», где он пишет о Григории Ефимовиче Распутине и его отношениях с Царской Семьёй. Ведь там – сплошные перепевы сплетен и слухов, которые автор с доверием повторяет. При этом, он доходит до откровенной хулы на Государыню Александру Феодоровну, повторяя гнусную сплетню, что причина её доверия Г.Е. Распутину заключалась в её болезни, т.е. в психическом расстройстве. Н.А. Соколов, по сути, оправдывает убийство Г.Е. Распутина, цитируя без какой-то критики показания одного из убийц Ф. Юсупова. Почему его, профессионального следователя, не ужаснул сам факт убийства человека, как ужаснул он Царя-Мученика Николая?

В-третьих, в материалах следствия Николай Алексеевич не делает однозначного вывода о сожжении останков Царственных Страстотерпцев, как считают некоторые. Такой вывод он делает только в докладе вдовствующей Императрице Марии Федоровне, когда он вынужден был как-то обобщить свои разыскания о судьбе Царской Семьи.

Сегодня ситуация с научной оценкой исследования найденных в Поросёнковом логу останков разительно отличается от той, какая была в 90-е и 00-е годы, в том числе в 1998 году, когда Святейший Патриарх и Священный Синод принимали решение воздержаться от признания итогов работы государственной комиссии и просили власти продолжить исследования. На тот момент была раскопана (причём, варварскими методами – под проливным дождём и без должного научного сопровождения) могила, в которой были обнаружены тела 9 человек. Упомянувшееся в так называемой «Записке Юровского» кострище, где были сожжены тела еще двух человек, было обнаружено только в 2007 году. Это порождало законные сомнения.

Было много вопросов к генетическим экспертизам. Первоначально генетик Евгений Рогаев, весьма авторитетный учёный, доктор биологических наук усомнился в выводах экспертов следствия. Однако, проведя другие исследования, он пришёл к выводу о родственных связях

ДНК скелета номер 4 (который считают царским) и крови племянника Государя Т.Н. Куликовского-Романова, которую ему предоставила вдова О.Н. Куликовская-Романова. Изменение позиции Рогаева, впрочем, не произвело впечатления, в наших, монархически-ревнительских, кругах оно объяснялось тем, что его «купили», посулив место в Академии наук.

Позицию критиков подлинности останков укрепило в 2003 году сообщение о результатах экспертизы американского генетика Алека Найта и российского математика Льва Животовского, которые исследовали по заказу Российской зарубежной экспертной комиссии, созданной при Русской Православной Церкви Заграницей в 1989 году, мощи прпмц. Елизаветы Феодоровны и предполагаемые останки Государыни Александры Феодоровны. Учёные не подтвердили родство. Это произвело только сильное впечатление. Однако впоследствии выяснилось, что у учёных нет уверенности, что им предоставили для анализа именно мощи прпмц. Елизаветы. Больше того, говорят, что мощи прпмцц. Елизаветы и Варвары перемешаны, и даже если представители РПЦЗ и не вводили целенаправленно в заблуждение учёных, их нельзя использовать для экспертиз. Тем паче, что изъятие частицы мощей прпмц. Елизаветы Феодоровны не было никак задокументировано.

Вообще в ту пору к мнению Российской зарубежной экспертной комиссии (РЗЭК) в России очень внимательно прислушивались. Только начали осторожно обсуждать возможности воссоединения Русской Православной Церкви, преодоления раскола, вызванного революцией и гражданской войной, поэтому зарубежных РПЦЗ старались не обижать. Кроме того, считалось, что в распоряжении РПЦЗ находились те костные останки, которые нашёл Н.А. Соколов на Ганиной яме. Предполагалось, что они (в том числе палец, как считалось, принадлежавший Государыне Александре Феодоровне) хранятся в храме-памятнике Иова Многострадального в Брюсселе. Если так, то вопрос о подлинности найденных в Поросёнковом логу останков просто бессмысленно поднимать. Однако вскоре были опубликованы документы, согласно которым в брюссельском храме никаких костных останков не было, а были куски промасленной земли с Ганиной ямы, которые со временем превратились в песок. А костные останки были переданы Соколовым не РПЦЗ, а, по предложению Великого князя Николая Николаевича организации российских послов, и пропали во время немецкой оккупации Парижа. Словом, в распоряжении у РЗЭК никаких особых доказательств не было, а были только материалы следственного дела Соколова-Сергеева-Намёткина, с которыми в 90-е годы уже познакомились и читатели в России.

Серьёзным ударом по репутации РЗЭК стало поведение её руководителей в период воссоединения Русской Православной Церкви. Председатель комиссии Пётр Колтыпин-Валловский и секретарь Евгений Магеровский не приняли воссоединение Русской Церкви и остались в расколе (Магеровский в расколе и умер). Это нанесло серьёзный удар по репутации Зарубежной комиссии в вопросе о царубийстве. Как можно было доверять раскольникам?!

Долгое время сторонники версии «подложных останков» называли в качестве аргумента экспертизу «выдающегося японского генетика» Тацуо Нагаи, который исследовал останки брата Императора Великого князя Георгия Александровича и пришёл к выводу, что они не доказывают родство с «екатеринбургскими останками». Однако затем выяснилось, что господин Нагаи вовсе не является авторитетом в среде генетиков, а исследование, которое он проводил, не может быть признано чистым, поскольку переданные ему судмедэкспертом В.А. Поповым частицы останков брата Императора были оставлены в лаборатории после экспертизы, едва ли не на полу.

Еще одним известным экспертом, отвергавшим подлинность останков из могилы в Поросёнковом логу, был крупный авторитет в области судебной медицины доктор медицинских наук Вячеслав Попов. Однако

в ходе нынешнего следствия он является одним из привлечённых экспертов и изменил свою позицию.

Еще одним учёным, подвергавшим сомнению принадлежность останков Царской Семье, был видный антрополог, доктор биологических наук Виктор Звягин, но и он затем изменил свою позицию.

Были авторитетные критики подлинности останков и среди историков. Так доктор исторических наук Юрий Буранов подверг серьёзной критике так называемую «Записку Юровского», выдвинув предположение, что её автором мог быть главный большевистский историк, получивший печальную известность как фальсификатор исторических документов, Михаил Покровский. Это был в своё время серьёзный аргумент. Однако уже после смерти учёного был введён в научный оборот документ «Стенограмма совещания старых большевиков по вопросу пребывания Романовых на Урале», где Юровский в 1934 году, уже после смерти Покровского, повторяет те же сведения, которые содержались в «Записке».

Еще одним авторитетным критиком следствия был доктор исторических наук, академик РАН Вениамин Алексеев. Однако ни одного весомого аргумента в пользу подложности могилы в Поросёнковом логу учёный не представил.

Таким образом, на сегодняшний момент нет серьёзных научных аргументов, доказывающих подложность останков. Тем не менее, то ли из-за неосведомлённости, то ли из-за упрямства сторонники версии о сожжении останков приводят уже опровергнутые научные аргументы. Широко распространяется сейчас некое письмо «Архипастырям Русской Православной Церкви о непризнании останков царскими», которое опубликовал недавно сайт «Иван-чай». Там в числе прочего говорится: «О грубых нарушениях и несовпадениях в выводах следствия заявляли независимые эксперты (профессор Т. Нагаи, профессор А. Животовский, криминалист Ю. Григорьев)». И в качестве примера говорится о том, что «не найдены серьёзные доказательства ошибочности выводов Российской зарубежной экспертной комиссии о несовпадении ДНК мощей Великой княгини Елизаветы с останками, приписываемыми ее сестре». Куда уж серьёзнее аргумент – сомнение, что эксперты исследовали именно мощи преподобномученицы Елизаветы!

Что сегодня есть в активе у противников признания останков? Имеется в виду – именно научные аргументы. По сути, не много. Есть только указания на некоторые противоречия и пробелы в системе доказательств экспертов следствия. В частности, в стоматологической экспертизе, проведённой стоматологом Эмилем Агаджаняном и историком Алексеем Оболенским указано на некоторые ошибки экспертов следствия в определении времени удаления зубов, в принадлежности зубов тем или иным останкам.

Или вот совсем недавно по заказу Русского просветительского центра им. Василия Великого судмедэкспертами Ю. Григорьевым и К. Тепловым был проведён эксперимент по сожжению на костре тел животных, призванный поставить под сомнение возможность сожжения двух тел на костре ночью 19 июля 1918 года. Но всё это частности, требующие, конечно, дальнейшего изучения и объяснения.

Больше всего претензий к исторической экспертизе. Оно и понятно, многие документы, способные пролить свет на истину, не то утрачены, не то уничтожены. Пока мы плохо знаем и то, как было совершено преступление века, и какие манипуляции с останками совершались преступниками. Но всё это не может поставить под сомнение всю совокупность научных исследований и экспертиз. И обычную человеческую логику. Если это подложная могила и подложные останки, то зачем нужно было сжигать два тела? Ведь логичнее закопать именно одиннадцать тел, чтобы в случае необходимости их продемонстрировать. К тому же нужно предположить очень высокий уровень научных антропологиче-

ских знаний у убийц, ведь один из убиенных имеет, по оценке экспертов, признаки человека беломоро-балтийской расы, каковым был Алоизий Трупп...

Однако для завершения дела у нас нет самой важной экспертизы, когда речь идёт не об обычных останках, а о Святых Мощах, – нет духовной экспертизы. Напомню окончание своей недавней статьи «А если это Царские мощи? Как решить проблему «екатеринбургских останков?».

«Мне представляется, что стоило бы дополнительно к генетической, антропологической, исторической и другим экспертизам, которые проводит следствие и результаты которых будут представлены Архиерейскому Собору, **организовать еще и экспертизу духовную**. К примеру, **отобрать несколько духовно опытных священников, которых обязать регулярно служить в Екатерининском приделе панихиды неизвестным мученикам или молебны святым Царственным страстотерпцам (это уж как решит Священноначалие)**. Сколько дней или скорее вечеров (поскольку днём администрация музея пускать в собор, вероятно, не будет) служить – тоже должно решить Священноначалие. **А потом призвать их на Архиерейский Собор и попросить рассказать о своём опыте**.

Господь и святые Царственные мученики откроют правду. Если будем действительно вопрошать, а не рубиться в спорах на темы генетики, антропологии и стоматологии. **Наука уже всё сказала, что она на сегодняшний день может сказать. Осталось добыть духовную истину...**

Святые Царственные Мученики, вразумите нас!»

15.10.2021 г.